

В борьбе за право обнять мужа, отца, сына

До 2017 года Уголовно-исполнительный кодекс России содержал правило о запрете длительных свиданий для пожизненно заключенных в течение минимум десяти лет. Нет и права на искусственное зачатие от заключенного. Вместе с заключенным наказание в виде лишения частной и семейной жизни несут и все члены его семьи. Статья о том, как велись стратегические судебные дела за право на длительные встречи и искусственное зачатие.

Ключевые слова: частная и семейная жизнь; длительные свидания; искусственное зачатие; стратегические судебные дела; Европейский суд по правам человека; Европейская конвенция по правам человека.

Еще живы те, кто на себе испытал, прочувствовал это совершенно средневековое, дикое, садистское гулаговское правило «десять лет без права переписки». А ведь многие современные благополучные юноши и девушки считали и продолжают считать, что подобное варварство существовало даже не в прошлом веке, а в прошлом тысячелетии. И очень удивятся, если узнают, что система исполнения наказаний современной России от гулаговской совсем не далеко ушла. До 2017 года Уголовно-исполнительный кодекс России содержал правило, в соответствии с которым мать не вправе обнять сына в течение десяти или пятнадцати лет. В строгих условиях заключенный вправе видеться с близкими родственниками лишь два раза в год, в течение не более четырех часов, через стекло или решетку, в присутствии тюремщика. Ни о каком непринужденном близком общении речи идти не может. Мать не обнимет сына, жена не поцелует мужа, дочь или сын не сядет на колени к отцу. И понятно, что детей у такой семьи по определению быть не может. Мы еще не научились размножаться воздушно-капельным путем. Получается, что вместе с заключенным наказание в виде лишения частной и семейной жизни несут и все члены его семьи, в том числе еще не рожденные. Такого больше нет нигде в Европе, что подтвердил Европейский суд по правам человека, проанализировав законы всех государств – членов Совета Европы. Подтвердил он это при рассмотрении дела Андрея Хорошенко, заключенного в 1994 году на пожизненный срок. Но об этом мы поговорим чуть позже. Так вот, в среднем по Европе заключенные имеют право на встречи с родственниками один раз в два месяца, а то и каждый месяц. Сравните отсутствие длительных свиданий в течение 15 лет и свидания каждые два месяца. И сам собой вырывается риторический вопрос: как может государство, спасшее мир от фашизма, быть столь жестоким?

В 2009 году Андрей Хорошенко обратился с письмом в международную общественную организацию «Сутяжник», в котором сообщил, что, как заключенный в 1994 году на пожизненный срок, в течение 15 лет не имеет права на длительные свидания. В связи с этим Андрей в 2005 году обратился в Европейский суд по правам человека, который в 2009 году сообщил о поступившей от Хорошенко жалобе властям России и начал процедуру рассмотрения дела¹. Андрей просил представлять его интересы.

* **Антон Леонидович Бурков**, канд. юрид. наук, доктор права (Кембриджский университет), магистр права (Эссекский университет), руководитель Центра сравнительного правоведения и стратегических судебных дел юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург), юридический директор Международной общественной организации «Сутяжник».

¹ Коммуникация – сообщение властям России материалов дела и вопросов по делу, на которые государство обязано ответить.

Следует заметить, что юристам «Сутяжника» уже приходилось заниматься проблемой отсутствия длительных свиданий. В начале 2000-х годов Анна Деменева вела дело супругов Захаркиных. Валерий Захаркин был осужден к пожизненному лишению свободы. Это означало, что планам Захаркина и его жены зачать ребенка не суждено было сбыться. Пожизненники отбывают минимум первые десять лет срока в строгих условиях, что лишает их права на длительные (семейные) свидания. Такой срок, как это и произошло с Андреем Хорошенко, с большой долей вероятности может растянуться и до 15 лет без возможности обнять близких людей, а тем более зачать ребенка. Жестоко, несправедливо. Но что делать, таковы пока у нас нравы и законы. В начале двухтысячных годов Захаркины решили бороться за право на длительные свидания.

К сожалению, дело Захаркиных дошло только до судей Конституционного Суда России, в 2005 году отказавшихся рассматривать дело по существу, потому что, по мнению конституционных судей, заключенный, совершая преступление, должен предполагать, какие лишения его ждут. Семья Захаркиных распалась. Когда эта книга сдавалась в издательство осенью 2016 года, Валерий Захаркин был убит в исправительной колонии № 18 «Полярная сова».

Андрей Хорошенко по принципу получения первого ответа стал работать с Центром международной защиты прав человека. А «Сутяжник» продолжал заниматься другими судебными делами, пока с проблемой отсутствия длительных свиданий осенью 2014 года в организацию не обратилась Вероника Королёва.

В 2009 году Вероника вышла замуж за Николая Королева, заключенного-пожизненника, содержащегося в исправительной колонии № 18 «Полярная сова». Колония расположена севернее полярного круга в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа. Супруги желали завести ребенка и столкнулись с той же ситуацией, что Захаркины в 2003 году, Хорошенко – в девяностые и еще около 2 000 пожизненников и членов их семей. Ситуацией, озвучивание которой в нынешних условиях, в XXI веке, воспринимается не как приговор, не как наказание, а как возмездие заключенному и пощечина всему цивилизованному миру: «минимум 10 лет без права на длительные свидания!» Для Королёвых отсутствие свиданий стало причиной другой неразрешимой пока проблемы.

Само по себе наличие свиданий дважды в год через пятнадцать лет никак не гарантирует зачатия. Даже регулярная половая жизнь свободных супружеских пар не гарантирует, что женщина забеременеет. Поэтому в мире популярны такие средства, как искусственное зачатие и ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение). Длительные свидания, если бы они и были разрешены, проводились бы по графику колонии, но не по биологическому графику менструального цикла женщины и без учета здоровья заключенного. Поэтому Королёвы, как и Захаркины, решили провести искусственное зачатие и обратились к руководству колонии с просьбой оказать им в этом содействие.

Королёвы готовы были провести искусственное зачатие за свой счет. От государства требовалось лишь этапировать Николая в Москву или Екатеринбург, что делает возможной своевременную доставку биологического материала (спермы) пожизненника в специализированную клинику, лицензированную для проведения искусственного зачатия. Но Королёвым было отказано в помощи по проведению процедуры искусственного зачатия.

По ключевым словам «запрет на длительные свидания» и «пожизненное лишение свободы» Вероника Королёва нашла в Интернете материалы дела Захаркиных, размещенные на сайте «Сутяжника», в результате чего уральская правозащитная организация вновь занялась проблемой отсутствия длительных свиданий. На этот раз судебное дело касалось и права на проведение искусственного зачатия.

Королёвым повезло больше, чем Захаркиным. Во-первых, их брак, как и желание завести ребенка, с годами становился все крепче. Во-вторых, примерно в то же самое время, в 2007 году, в Европейском суде по правам человека появилось вызвавшее немало споров среди европейских судей дело «Диксоны против Соединенного Королевства» (*Dickson v. UK*) о праве на проведение искусственного зачатия по просьбе заключенного-пожизненника и его жены. Изначально палата судей четырьмя голосами против трех решила дело не в пользу Диксонов. Но спустя пару лет Диксоны с помощью замечательного юриста из Ливерпуля Элкана Абрахамсона (*Elkan Abrahamson*) убедили 17 судей Большой палаты ЕСПЧ, что право зачать ребенка – это неотъемлемая часть их семейной жизни, право, которое не теряется после лишения свободы, даже после осуждения на всю жизнь.

В 2014 году, вооружившись переводом на русский язык постановления по делу Диксонов, опубликованном в журнале «Права человека: постановления Европейского суда по правам человека», адвокат из «Сутяжника» Наталья Ермилова подготовила жалобу от имени супругов Королёвых в районный суд. Суть жалобы сводилась к одному очень простому аргументу: российский Уголовно-исполнительный кодекс, запрещающий длительные свидания, и все иные подзаконные нормативные акты, не содержащие обязанности оказывать содействие заключенному и его супруге в проведении искусственного зачатия, не должны применяться. Королёвы имеют право провести искусственное зачатие на основании ст. 8 Европейской конвенции по правам человека и постановления ЕСПЧ по делу Диксоны против Соединенного Королевства. В этом на стороне Королёвых даже Конституция России, отдающая приоритет международным договорам, если между последним и российским правом существует противоречие.

Однако судья Бабушкинского районного суда Москвы Невзорова отказала Королёвым в иске. В многословном решении главными словами стали «приговор Королёву – это кара». На языке Конвенции «кара» – это «возмездие», означающее «жестокое наказание», не имеющее цели исправления, а только преследующее целью причинение страданий за совершенное преступление. Такое возмездие как жестокое и бесчеловечное обращение запрещено международным правом, в том числе и ст. 3 Конвенции. Что получается? Для нашего правосудия цель – не исправление человека, а причинение ему страданий? Судья также отметила, что заключенный после осуждения лишается не только свободы, но и всех прав, в том числе семейных. Совершая преступления, он, якобы, должен ожидать таких лишений.

Этот вывод сложно поставить в вину только судье Невзоровой, поскольку она лишь переписала этот абзац из определений Конституционного Суда России по делам Хорошенко и Захаркиных 2005 года. К слову, данный вывод в деле Хорошенко был признан ЕСПЧ не соответствующим гуманности и семейным правам. В заключении в ответ на единственный аргумент Королевых о праве на зачатие на основании принципов, записанных в постановлении по делу «Диксоны против Соединенного Королевства», судья Невзорова записала лишь одну строчку: постановление по делу «Диксоны против Соединенного Королевства» не может являться основанием для удовлетворения требований заявителей, поскольку оно принято по другому делу, основанному на иных обстоятельствах. В том или ином виде три вышестоящие судебные инстанции, в том числе Верховный Суд России, вынесли то же решение.

Начиная судебный процесс по делу Королёвых, «сутяжники» помнили опыт Захаркиных. Мы объяснили Веронике, что надежды на российские суды почти нет, что прохождение всех инстанций имеет только тактическое значение для того, чтобы передать вопрос в Конституционный Суд России, решение которого также предсказуемо. И уже все накопленные в российских судах материалы необходимо

будет направить в ЕСПЧ, параллельно привлекая внимание к данной проблеме СМИ и социальных сетей.

Еще одной целью судебных разбирательств в судах России является поиск других семей, столкнувшихся с аналогичной проблемой и готовых бороться за ее разрешение. Опыт работы над делом Захаркиных показал, что, если заявители одни, они могут прекратить борьбу на какой-то стадии по разным причинам, в том числе в связи с разводом. Для стратегической цели изменения законодательства важно, чтобы в суды обращалась не одна, а несколько семей. С помощью Вероники Королёвой «Сутяжник» организовал подачу исков еще от имени трех семей.

План по ведению дела Королёвых не был высечен в камне, в нем постоянно что-то менялось. Очередное дополнение мы внесли, когда вновь услышали про Андрея Хорошенко, продолжившего борьбу уже в Большой палате ЕСПЧ. К тому времени с 2009 года дело прошло коммуникацию, и палата из семи судей ЕСПЧ решила передать свою юрисдикцию Большой палате в связи с тем, что в деле рассматривался серьезный вопрос права заключенного и членов его семьи.

30 июня 2015 года, к моменту, когда дело Королёвых дошло до судьи Верховного Суда, ЕСПЧ огласил постановление по делу Андрея Хорошенко. Единогласно 17 судей признали нарушение права Андрея на семейную жизнь в связи с отсутствием длительных свиданий на протяжении 15 лет отбытия наказания. Двое судей признали отсутствие свиданий, как таковое, жестоким и бесчеловечным обращением.

Примечательно, что судьи Большой палаты ЕСПЧ специально указали в постановлении, что «в своих устных объяснениях на слушании в Европейском суде власти Российской Федерации отмечали, что не ожидалось достижение цели реинтеграции в общество в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, включая заявителя, и что изоляция таких лиц, как заявитель, была единственной целью соответствующих условий отбывания наказания».

Мы ждали этого решения и поэтому незамедлительно обратились к начальнику исправительной колонии № 18 «Полярная сова» о предоставлении Королёвым длительного свидания на основании постановления по делу «Хорошенко против России». Мы понимали, что у нас мало шансов на успех в споре с человеком, для которого приоритет нормы международного права над Уголовно-исполнительным кодексом – всего лишь пустой звук. Но все же, при дальнейшем оспаривании отказа начальника исправительной колонии, у нас было больше аргументов для убеждения судей в обязательности постановления ЕСПЧ по делу Андрея Хорошенко против России, чем постановления по делу Диксонов против Соединенного Королевства. И Королёвы вновь пошли в суд. Мы же стали решать другую стратегическую задачу – поиск новых пострадавших и потенциальных истцов.

В сентябре 2015 года журнал «Бюллетень Европейского суда по правам человека» опубликовал перевод постановления по делу «Хорошенко против России». Мы его распечатали и в октябре отправили начальнику колонии № 18 А. В. Воронину с приложением краткого заявления Вероники Королёвой с просьбой предоставить внеочередное длительное свидание на основании этого постановления. Начальник ответил, что предоставлять длительное свидание сейчас «нецелесообразно», поскольку по российскому закону такое право у них появится через много-много лет, когда супругам будет около 40. Полученный в ноябре 2015 года отказ Королёвы оспорили в том же Бабушкинском районном суде. На этот раз судья была другая.

Перед судьей Романцовой был поставлен простой вопрос: какой закон для начальника и для судьи имеет приоритет – УИК или Конвенция, постановление Конституционного Суда РФ по рассмотренным в 2005 году жалобам Хорошенко и Захаркиных или постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу Андрея Хорошен-

ко? О фактах никто не спорил. Не было спора и о приоритетной силе международных договоров. Об этом неоднократно давали разъяснения Верховный и Конституционный суды РФ.

Представитель колонии в суд не явился, не представив и отзыва. Судья выслушала аргументы о главном принципе международного права прав человека, Конвенции, состоявшего в применении европейских гарантий прав человека в российских судах, в районном суде. Смысл международного права в его применении не в международном суде, а в суде местном, российском, районном, том, который находится в районе вашего дома.

Каковó же было удивление как Вероники, присутствовавшей в судебном заседании, так и представлявшего интересы Королёвых юриста «Сутяжника» Антона Буркова, когда судья огласила резолютивную часть решения суда: «Иск Королёвых... удовлетворить». Судья смогла пойти против исправительной колонии, против ФСИН, против УИК. Да, такой вывод – «удовлетворить» – соответствовал аргументам Королёвых.

Когда же судья продолжила оглашать свое решение, стало ясно, что иск Королёвых будет удовлетворен частично: судья отказалась «обязывать» начальника исправительной колонии предоставлять длительное свидание. Да, судья признала незаконным отказ предоставить длительное свидание, точнее неконвенционным, нарушающим принцип, продвинутый в Большой палате ЕСПЧ Андреем Хорошенко. Но следующий шаг сделан не был: судья лишь обязала начальника колонии «пересмотреть» свое решение. Риторический вопрос юриста «Сутяжника» о том, как долго придется Королёвой оспаривать такие пересмотры начальника, остался без ответа. Победа без результата?

О прецедентном решении по делу Королёвых сюжет снимали два федеральных телевизионных канала, но ни на одном из них он так и не появился – «зарубили». Негласная причина: дело выиграла жена националиста Николая Королёва, а это пропаганда его идей. Редакторам не было дела до мечты и желания свободной женщины Вероники Королёвой зачать ребенка от любимого человека, родить и воспитывать его. А ведь Вероника даже купила люльку для будущего ребенка. Но об этом знали только те, кто никак не мог повлиять на принятие решения, – другие семьи заключенных.

К моменту постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу Хорошенко против России Вероника познакомилась по переписке с самим Андреем, с семьями некоторых заключенных, содержащихся в исправительной колонии № 18 «Полярная сова». Две семьи по примеру Вероники тоже решились на подачу аналогичных исков.

Первой обратилась в суд Олеся Мацынина вместе с пятилетней дочкой Снежаной. Их муж и папа содержится пожизненно за двойное убийство все в той же заполярной колонии, где не исправляют, а, по выражению уже известного нам представителя России в ЕСПЧ, «изолируют от общества». Учитывая опыт общения с журналистами по делу Королёвой, «сутяжники» понимали, что дело Мацыниных имеет больше шансов на освещение в СМИ. Муж – бытовой убийца, но, самое главное, дочь Снежана смогла бы увидеть папу не через решетку и обнять его задолго до своего совершеннолетия. Снежана стала ведущим истцом по делу, а мама Олеся – ее представителем по закону и вторым истцом. Третьим истцом должен был быть Антон Мацынин, но судья не принял иск от Антона на том основании, что его жена не могла подписать иск Антона, даже действуя по доверенности, потому что у Олеси нет высшего юридического образования. Но это уже отдельная история о доступе заключенных к правосудию.

Хорошенко особого интереса у газетчиков не вызывал, а националист Королёв если и вызывал, то только отторжение. И даже статьи и сюжеты тех журнали-

стов, кто проникся сочувствием к Веронике в ее стремлении стать матерью, разбивались о цензуру редакторов. Пятилетняя Снежана, сама того не осознавая, помогала не только себе, своим маме и отцу, но и Веронике и ее мужу, другим заключенным-пожизненникам и их семьям и в какой-то степени Андрею Хорошенко. Потому что мало что сравнится с эмоциональным воздействием ребенка на зачерствевшие души взрослых.

С Олесей «сутяжники» работали дистанционно, так как она жила далеко от Екатеринбурга и Москвы, в Белозерске Вологодской области. Бюджет организации не позволял регулярных поездок из Екатеринбурга в Вологодскую область. Аргументы по делу «сутяжники» отточили еще в деле Королёвых, оформили иск и выступление в суде. Олеся, пусть без требуемого судьей по новому Кодексу административного судопроизводства РФ высшего юридического образования, выступила в суде самостоятельно и выиграла дело. Судья Михеев удовлетворил иск. В отличие от судьи Бабушкинского райсуда, Михеев иск удовлетворил полностью с предоставлением одного длительного свидания в год. После вступления решения суда в силу Снежане с Олесей можно будет получить исполнительный лист и ехать за полярный круг на длительную встречу с папой и мужем. С момента осуждения Антона Мацынина в 2013 году Олеся не ездила со Снежаной в исправительную колонию в связи с тем, что для пятилетней Снежаны было бы большим стрессом такое далекое путешествие, а главное – встреча с папой без возможности его обнять.

Параллельно с рассмотрением в районном суде дела Королёвых о праве на длительные свидания, «сутяжники» продолжали вести и первое дело Королёвых о праве на искусственное зачатие. Следующим шагом было обращение в Конституционный Суд России по отмене норм Уголовно-исполнительного кодекса, которые не допускали длительных свиданий, а следовательно, вынуждали заявителей идти на искусственное зачатие. Жалоба Королёвых в Конституционном Суде ждала рассмотрения с октября 2015 года. 10 февраля 2016 года, на следующий день после частичного удовлетворения их иска о незаконности непредоставления длительных свиданий на основании постановления дела Хорошенко против России, судьи Конституционного Суда отказали Королёвым в рассмотрении жалобы по существу, ссылаясь на текущий судебный процесс в Бабушкинском районном суде, а следовательно, на непрохождение всех инстанций судов общей юрисдикции для решения проблемы Королёвых.

Интересно, что Конституционный Суд не учел того, что по первому делу Королёвы уже исчерпали все возможные средства защиты национального законодательства и именно поэтому и обратились в ЕСПЧ. Но «сутяжники» иного от конституционных судей и не ожидали. Наоборот, обращение в Конституционный Суд преследовало цель лишь продемонстрировать судьям ЕСПЧ поведение российских конституционных судей. Обращение в Конституционный Суд состоялось лишь после того, как была направлена жалоба в ЕСПЧ. Далее исключительно планировалось направить для внимания ЕСПЧ определение Конституционного Суда.

Странно было бы ожидать, что Конституционный Суд России после постановления по делу «Хорошенко против России» сам себя высечет, пересмотрит свое определение по этому делу и придет к выводу о неконституционности УИК в части запрета на длительные свидания. Также, осознавая неэффективность Конституционного Суда и руководствуясь желанием показать его бездействие при имеющихся полномочиях действовать, «сутяжники» подготовили жалобу в Конституционный Суд от имени Андрея Хорошенко. Задача состояла в том, чтобы продолжать точить «каплей камень», продолжать привлекать внимание СМИ к

данной проблеме. Просто ждать результата рассмотрения жалобы Королёвых в ЕСПЧ было бы преступлением по отношению к будущему ребенку.

Андрей Хорошенко, осужденный к смертной казни по показаниям других осужденных, полученным под пытками, – удивительный, несломившийся человек. Андрей остался в живых только потому, что Россия вступила в Совет Европы, а условием членства было прекращение исполнения смертных казней. Комитет ООН по правам человека обращался с просьбой к российским властям пересмотреть приговор Андрея Хорошенко еще в 2011 году. С тех пор прокуратура не инициирует пересмотр дела, вероятно, потому, что сама является заинтересованной стороной: именно прокуратура поддерживала обвинения Хорошенко на основании показаний, полученных с применением пыток.

Выплата компенсации по делу Андрея Хорошенко не освобождает Россию от исполнения постановления ЕСПЧ в части изменения закона, запрещающего длительные свидания. Даже после 23 лет отсидки и появления у Андрея права на длительные свидания в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, не исключается полномочие администрации исправительной колонии за определенные нарушения перевести Андрея на строгий режим содержания, что автоматически влечет за собой лишение его права на длительные свидания на следующие 10 лет без права апелляции. Единственным условием предоставления свиданий является истечение 10-летнего срока. Госдума еще не вносила изменений в соответствующие статьи УИК, а у Конституционного Суда России есть полномочия признания законов неконституционными. Жалобу от имени Хорошенко мы подготовили быстро, но после обсуждения ее с Андреем и Вероникой Королёвой было принято решение пока не давать ей хода. Мы ожидали отказа Королёвым в правосудии от конституционных судей. Поэтому было решено подавать жалобу Андрея после получения отказа от Конституционного Суда по делу Королёвых.

Возникли трудности и при оформлении доверенности от Андрея. Вдруг администрация колонии заявила, что заверяет только доверенности для обращения в суды общей юрисдикции, но не в Конституционный Суд. Мы понимали, что наши телефонные переговоры с Андреем прослушивают и переписку читают, и Конституционный Суд оберегает от обращения Андрея.

Тем временем в марте 2016 года третья семья – престарелых родителей осужденного Леонида Рудика – подала административный иск о предоставлении длительных свиданий. Рудики опасались, что просто не доживут до первого свидания с сыном. Судья Симоновского районного суда Москвы Армяшина отказала в удовлетворении иска. Даже в окончательном тексте судебного решения судья выбрала какие-то строчки общих размышлений судей ЕСПЧ в постановлении по делу Хорошенко о том, что права заключенных ограничиваются, и сделала вывод, что на этом основании в предоставлении свиданий нужно отказать, а начальник колонии поступает правильно и в соответствии с Конвенцией.

К июлю 2016 года, когда две апелляции исправительной колонии № 18 – по делам Королёвых и Мацыниных – уже были направлены в апелляционные суды, а Рудикам было отказано в иске, ранее расставленные точки начали сходиться в созвездие. Андрею Хорошенко удалось убедить начальника исправительной колонии «Белый лебедь» подписать доверенность и отправить жалобу в Конституционный Суд. Пока конверт Андрея направлялся из колонии в Соликамске Пермского края в Санкт-Петербург, апелляционная жалоба исправительной колонии «Полярная сова» по делу Мацыниных поступила на рассмотрение Вологодского областного суда. В отличие от судьи Матвеева Белозерского районного суда тройка вышестоящих апелляционных судей Вологодского областного суда отказалась брать на себя ответственность за предоставление свиданий на основании постановления по делу «Хорошенко против России». Груз ответственности они

решили переложить на судей Конституционного Суда, приостановив производство по делу Мацыниных и направив запрос в Конституционный Суд о конституционности УИК в части запрета предоставления длительных свиданий. 4 июля тройка Московского городского суда по апелляции заполярной исправительной колонии отменила половинчатое, но все же в пользу Королёвых решение судьи Бабушкинского районного суда Москвы Романцовой и приняла новое решение: в иске Королёвым отказать. Следующий шаг Королёвых – новое обращение в Конституционный Суд.

Таким образом, к июлю 2016 года вслед за отказным определением Конституционного Суда России по жалобе Королёвых 2015 года на Конституционный Суд посыпались аналогичные дела Мацыниной, Хорошенко, Королёвой. Такова была стратегическая цель судебного дела о праве на длительное свидание и искусственное зачатие. Вода должна капать на камень равномерно и постоянно. Конституционным судьям нужно регулярно давать возможность исправлять свои ошибки или совершать всё новые и писать в определениях юридические глупости, которые войдут в историю.

Учитывая нежелание Конституционного Суда России заниматься пересмотром своей позиции 2005 года в вопросе о конституционности лишения Андрея Хорошенко и супругов Захаркиных длительных свиданий на 15 лет, конституционным судьям нужно будет постараться, чтобы придумать основания для отказа от рассмотрения жалобы Хорошенко и запроса судей по делу Мацыниной, а также новой жалобы Королёвых. Чем активнее будут попытки Конституционного Суда не заниматься рассмотрением жалобы Хорошенко, Мацыниных, Рудиков и Королёвых и запроса Вологодского областного суда по существу, тем интереснее будут материалы для рассмотрения дела Королёвых в Европейском суде по правам человека. Тем интереснее для рассмотрения Комитетом министров Совета Европы будут материалы по исполнению Россией постановления Большой палаты ЕСПЧ по делу Андрея Хорошенко против России. Конституционные судьи поставлены перед необходимостью вершить справедливое правосудие или совершать ошибки, которых судьи ЕСПЧ не пропустят. Недавно Конституционный Суд известил Веронику Королёву, что ее жалоба будет рассмотрена вместе с запросом Вологодского областного суда по делу Мацыниных «без проведения слушания». Судьба обращений Хорошенко и Рудиков пока не известна.

Когда точки начали складываться в созвездие, вспыхнула еще одна звездочка, зажженная еще 2005 году Андреем Хорошенко. Министерство юстиции России предложило законопроект, по которому вносятся изменения в УИК о предоставлении заключенным, содержащимся в строгих условиях, одного длительного свидания в год. Очевидно, законопроект стал реакцией на дело «Хорошенко против России». Отлично, но почему так мало, почему одно свидание в год, а не два, как для других заключенных и как было в УИК РСФСР, если в Европе они разрешаются раз в два месяца? В соответствии с анализом законодательной и пенитенциарной практикой других государств – членов Совета Европы, в среднем по Европе свидания предоставляются один раз в два месяца безотносительно к тому, на какой срок лишены свободы осуждены заключенные.

Каким будет созвездие борьбы заключенных-пожизненников и членов их семей, мы узнаем не скоро. Еще много предстоит сделать, некоторые звездочки погаснут, но еще не одна новая звездочка появится в созвездии реформы пенитенциарной системы России. Видимо пройдет еще некоторое время, прежде чем члены семей Королёвых, Рудиков, Мацыниных, а также члены других семей заключенных смогут обнять сына, мужа и отца, родившегося ребенка Королёвых... Сил вам, Вероника и Николай Королёвы, Снежана, Олеся и Антон Мацынины, Андрей

Хорошенко, Леонид и его родители Валерий Леонидович и Галина Николаевна Рудики. В одиночку и отдельными исками такие горы не сдвигаются.

***

В конце 2016 г. Конституционный Суд РФ опубликовал Постановление от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” части третьей ст. 125 и части третьей ст. 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королёва и В. В. Королёвой», в котором удовлетворил запрос Вологодского областного суда и супругов Николая и Вероники Королёвых, признав неконституционными нормы УИК, исключавшие возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение минимум первых десяти лет отбывания наказания. Решение вынесено «во взаимосвязи со ст. 8 Конвенции по правам человека (о защите личной и семейной жизни) в ее интерпретации ЕСПЧ», – говорится в постановлении Конституционного Суда. Основанием послужило постановление ЕСПЧ от 2015 года по делу «Хорошенко против России». Конституционный Суд завершил постановление словами: «Федеральному законодателю надлежит, – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, а также соответствующих правовых позиций Европейского суда по правам человека, – установить условия и порядок реализации лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы, права на длительные свидания. Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй ст. 89 УИК Российской Федерации».

В январе и феврале 2017 и 2018 годов состоялись длительные свидания Вероники и Николая Королевых, Олеси и Антона Мацыниных. Остается вопрос о праве на искусственное зачатие.

Продолжение следует...

Anton Leonidovich Burkov,

Candidate of Law, PhD (University of Cambridge), LL.M (University of Essex),
Head of the Center for Comparative Law and Strategic Litigation of the Law Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg);
Legal Director of the International Non-For-Profit Organization “Sutyazhnik”

In the Struggle for the Right to Hug Husband, Father, Son

Until 2017, the Penal Executive Code of Russia contained a rule banning long visits for life prisoners for a minimum of ten years. There is no right to artificial insemination from the prisoner. Together with the prisoner, the penalty of deprivation of private and family life is borne by all members of his family. This article is about strategic litigation for the right to conjugal meetings and artificial insemination.

Key words: private and family life; conjugal meetings; artificial insemination; strategic litigation; European Court of Human Rights; European Convention on Human Rights.